

К.А. Баршт (Санкт-Петербург)
ORCID ID: 0000-0002-1152-4083

**«... ИСХОДИЛ, БЛАГОСЛОВЛЯЯ, ПАПА-АНТИХРИСТ».
ОБ ОДНОЙ ПАРАДОКСАЛЬНОЙ ФОРМУЛИРОВКЕ В
ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛАХ К РОМАНУ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЬ»**

Аннотация. В статье анализируется фрагмент подготовительных материалов к роману Ф.М. Достоевского «Бесы», опубликованный в Полном собрании сочинений писателя (Л., 1974) и находящийся в логическом противоречии со всем тем, что писал Достоевский об институте папства Римско-католической церкви и догмате о непогрешимости (Infallibilitas) Папы Римского, принятом на Первом Ватиканском (20-ом Вселенском) соборе, который был созван Папой Пием IX. Догмат был провозглашен 18 июля 1870 г., получил широкую огласку и обсуждался во всех странах Европы, не исключая Россию. Новая версия прочтения записи Достоевского, выполненного в предлагаемой статье, подтверждается контекстом «записной тетради» писателя; добавочные аргументы в пользу новой версии содержатся в истории создания Достоевским романа «Бесы», а также в замечаниях об этом догмате римско-католической церкви и русском церковном Расколе, зафиксированных в «Записках из Мертвого дома», романах «Идиот» и «Братья Карамазовы», в «Дневнике писателя». В статье выдвигается следующая версия: анализируемая фраза позволяет предположить, что характер и идеология Князя первой редакции романа «Бесы» как апологета «почвенничества», проповедующего русскую религиозную реформу на основе канонических традиций Старой веры, является прообразом «деятели» Алеши Карамазова, практически воплощающего эту идею в эпилоге «Братьев Карамазовых», где показано единение «русских мальчиков» и Алеши на основе идей братской любви и самопожертвования – центральных категорий идеологии Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; новое прочтение записи к роману «Бесы»; догмат о непогрешимости Римского Папы; политико-религиозная доктрина «почвенничества»; русский церковный Раскол; преемственность персонажей в произведениях Достоевского.

К.А. Barsht (Saint-Petersburg)
ORCID ID: 0000-0002-1152-4083

**“... Was Passing in Blessing, the Pope Antichrist”.
About One Paradoxical Wording in the Preparatory Materials for
F.M. Dostoevsky’s Novel “The Possessed”**

Abstract. The article analyses an extract from the preparatory notes for F.M. Dostoevsky’s novel “The Possessed” which was published in the complete edition of the

writer's collected works in Leningrad in 1974. This extract is in contradiction with all that F.M. Dostoyevsky used to write about the Pope and the Roman Catholic Church, on the one hand, and the dogma of Infallibility of the Pope introduced at the First Vatican Council (also known as the XX Oecumenical Council) which was summoned by the Pope Pius IX. The dogma was declared on the 18th of July 1870, was made public and discussed all over Europe as well as in Russia. This new version of Dostoyevsky's interpretation suggested in this particular article was proved by the context of the writer's notebook. Some additional arguments can be found in the history of writing the novel "The Possessed" and in the notes on the Roman Catholic dogma and the Russian Schism. They can be traced in "Notes from the Underground", in the novels "The Idiot" and "The Brothers Karamazov", and in "A Writer's Diary". The author proposes the following idea: the analyzed phrase allows us to say that in the first edition of the novel "The Possessed" the Prince's character and ideology is that of an apologist for *Pochvennichestvo*. He advocates the Russian religious reformation based on the canonical conventions of the Old Belief, and the Prince is a prototype of Alyosha Karamazov "the doer", who, in his turn, puts this idea into practice in the epilogue of "The Brothers Karamazov" where the so-called "Russian boys" and Alyosha are united by brotherly love and self-sacrifice, i.e. the fundamental concepts of Dostoyevsky's ideology.

Key words: F.M. Dostoyevsky; a new interpretation of the entry in the draft of the novel "Demons"; the dogma of infallibility of the Pope; the political and religious doctrine of *Pochvennichestvo*; the Russian Church Schism; the succession of characters in Dostoyevsky's works.

В подготовительных материалах к роману Ф.М. Достоевского «Бесы», под заголовком «К фантастической странице», находится эскиз диалога между Князем и Шатовым, в котором в довольно экспрессивной манере излагается идеология «почвенничества», центральной доктрины для писателя в 1860–1870-е гг., которая, согласно его надеждам, должна была стать политическим противовесом разрушительной экспансии коммунистического Интернационала. На более позднем этапе работы над «Бесами» это подробное изложение «почвенничества» в историософском и богословском аспектах ушло из текста произведения, оставив за собой лишь разрозненные следы в кратких репликах обиженного Шатова, а также в некоторых рассуждениях Марии Тимофеевны Лебядкиной. В публикации подготовительных материалов к роману в 11 томе Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского воспроизведена страстная проповедь «почвеннической» идеологии Князя:

«Кн<язь> и Ш<атов>.

Князь: "Все это только слова – надо делать".

Ш<атов>: "Что же делать?"

Кн<язь>: "Каяться, себя созидать, царство Христово созидать. Мы веру из политики принимаем. Славянофилы и образа – надо православной дисциплиной и смирением. Несть раб, все свободны. Земли свободы, христианство, исходил, благословляя, папа-антихрист. Не в промышленности, а в нравственном перерожд-

дении сила – нужно иметь полную силу, чтоб [чтоб сказать самое смелое слово] высказать всю идею.

Мы, русские, несем миру возобновление их утраченного идеала. Зверь с раненой головой, 1000 лет. Представьте себе, что все Христы; будут ли бедные? Я знал Герцена – это водевиль”.

Ш<атов>: “Надо в монахи, коли так?”

Кн<язь>: “Зачем? Провозглашайте Христа в Русской земле и провозглашайте собою. Нужны великие подвиги. Надо сделать великий подвиг. Нужно быть великим, чтобы пойти против здравого смысла”» [Достоевский 1972–1990, XI, 177].

Одну из версий этого грядущего телесно-духовного преображения человечества излагает в разговоре с Хроникером «Бесов» инженер Кириллов: «историю будут делить на две части: от гориллы до уничтожения Бога и от уничтожения Бога до... <...> перемены земли и человека физически. Будет Богом человек и переменится физически. И мир переменится, и дела переменятся, и мысли, и все чувства». [Достоевский 1972–1990, X, 93–94] Из этой программы по строительству «Царства Божия на Земле» с помощью решительного духовного и телесного преображения человека логически выпадает одна фраза: «Земли свободы, христианство, исходил, благословляя, папа-антихрист». Бессмысленность здесь двойная: 1) в чем может состоять духовный смысл «благословления» со стороны «антихриста»; 2) какова связь Римского Папы с традициями «странничества», развитыми в Старой вере «бегунами-беспоповцами», суть благословенного хождения которых по Земле заключалась в битве с Антихристом, т.к., по логике этого вероучения, спасение может прийти лишь к тому, кто не имеет «ни града, ни веси, ни роду, ни племени, ни отца, ли матери», а также желательно, чтобы был похоронен в неизвестной могиле [Ивановский 1901, 25].

Комментирование этой фразы в академическом издании обращается в большую проблему, ее смысл идет вразрез со всем, что было написано Достоевским о роли института папства в католической церкви. В произведениях и письмах Достоевского содержится упоминание нескольких римских пап, и то, что он о них писал, можно свести к шести основным тезисам: 1) очевидная для Достоевского сомнительность его «непогрешимости» [Достоевский 1972–1990, XXI, 207], 2) претензия на власть над «земным миром» (намекающая на «Князя мира сего») [Достоевский 1972–1990, XXV, 260], 3) физиологическая ненависть к России [Достоевский 1972–1990, XXVI, 14–15], 4) предательство интересов мирового христианства [Достоевский 1972–1990, XXV, 124], 5) глава религиозного сообщества, породившего социалистическую идеологию, угрожающую всему миру, и в первую очередь России [Достоевский 1972–1990, XX, 190; X, 323]: «Папа – предводитель коммунизма» [Достоевский 1972–1990, XXIV, 147], «Коммунизм. Папа, Бисмарк, зло» [Достоевский 1972–1990, XXIV, 173], 6) Римский Папа – Антихрист [Достоевский 1972–1990, XXI, 202–203]. На этом фоне объяснить, почему у вдохновенно проповедующего «почвеннические» идеи Князя «папа-антихрист» благословил зем-

лю, очень непросто. В связи с этим комментатор данной записи, ничего не объясняя, сделал ссылку: «Стр. 177. ...папа-антихрист – См. примеч. к стр. 146, 168, 273» [Достоевский 1972–1990, XII, 349].

Комментарий к с. 146 относится к трактовке Достоевским недавно прошедшего и незаконченного 20-го Вселенского Ватиканского собора (8 декабря 1869 – 1 сентября 1870) Римско-католической Церкви, на котором 18 июля 1870 г. была провозглашена догматическая конституция «*Pastor aeternus*» о непогрешимости папы Римского в суждениях, произнесенных им официально. Известно, что в России это событие получило значительный отклик (см.: Вестник Европы. 1870. № 4. С. 848–859; Заря. 1870. № 5. Отд. II. С. 202–212 и др.). В своем «Дневнике писателя» Достоевский заметил, что это решение свидетельствует о том, что католики считают себя «выше всего человечества» [Достоевский 1972–1990, XXII, 88], но особое возмущение писателя вызвал тот факт, что тем самым фактически была провозглашена мысль о зависимости Христа от Дьявола как «князя мира сего»: «Провозгласив как догмат, “что христианство на земле удержаться не может без земного владения папы”, оно тем самым провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволово искушение, на царства земные: “Все сие отдам тебе, поклонись мне!”». [Достоевский 1972–1990, XXI, 243]. Из этого комментария сделать вывод о возможности ситуации «благословления земли» со стороны Римского папы, который готов «исходить» ее вдоль и поперек, нельзя.

В комментарии к с. 168, на которой формулируется почвеннический манифест «Князя» («Мы несем 1-й рай 1000 лет, чтобы сразиться с антихристом, т.е. с духом Запада, который воплотится на Западе»), содержится следующее объяснение: «Тема антихриста, т.е. самозванца, выдающего себя за Христа, лже-Христа, который должен появиться на земле незадолго до второго пришествия Христа, чтобы “прельстить” народы, восходит к Новому Завету. В подготовительных материалах к “Бесам” образ антихриста олицетворяет в широком смысле полный безверия “дух Запада”; в более узком смысле – католическую идею “насильственного единения” человечества как искажение истинного христианства и носителя этой идеи – папу римского, “подавшегося на третье дьяволово искушение” и соблазнившегося “земным царством”» [Достоевский 1972–1990, XII, 344]. Комментарий верно передает специфику отношения Достоевского к теме «лже-Христа» или Антихриста, однако изучаемую нами фразу не объясняет, находясь с ней в резком противоречии.

В комментарии к с. 273 с текстом: «Для этого можно и папу воскресить и отдать ему мир. Католичество этого же и добивалось» проводится сравнение этой фразы с репликой Петра Верховенского в окончательной редакции романа: «Знаете ли, я думал отдать мир папе. Пусть он выйдет пеш и бос и покажется черни: “Вот, дескать, до чего меня довели!” – и все повалит за ним, даже войско. Папа вверху, мы кругом, а под нами шигалецщина. Надо только, чтобы с папой International согласилась; так и будет» [Достоевский 1972–1990, X, 323]. Далее указывается, что идею о возмож-

ном использовании Римским Папой – в целях достижения мирового владычества – политического возмущения народа Достоевский развивает в «Дневнике писателя» за 1876 г.:

«Потеряв союзников царей, католичество несомненно бросится к демосу. У него десятки тысяч соблазнительей, премудрых, ловких, сердцеведов и психологов, диалектиков и исповедников, а народ всегда и везде был прямодушен и добр. <...> Все эти сердцеведы и психологи бросятся в народ и понесут ему Христа, нового, уже на все согласившегося, Христа, объявленного на последнем римском нечестивом соборе. “Да, друзья и братья наши, скажут они, все, об чем вы хлопотаете, – все это есть у нас для вас <...> давно уже. <...> А папа вас не продаст, потому что над ним нет сильнеешего, и сам он первый из первых, только веруйте, да и не в бога, а только в папу и в то, что лишь он один есть царь земной, а прочие должны исчезнуть, ибо и им срок пришел. Радуйтесь же теперь и веселитесь, ибо теперь наступил рай земной, все вы станете богаты, а через богатство и праведны, потому что все ваши желания будут исполнены и у вас будет отнята всякая причина ко злу”. Слова эти льстивые, но, без сомнения, демос примет предложение: он разглядит в неожиданном союзнике объединяющую великую силу, на все соглашающуюся и ничему не мешающую, силу действительную и историческую, вместо предводителей, мечтателей и спекулянтов, в практические способности которых, а иногда и в честность, он и теперь сплошь да рядом не верует». [Достоевский 1972–1990, XXII, 90].

Здесь сформулирован тезис о «папе-антихристе», который многократно встречается в художественных произведениях писателя; Достоевский подчеркивает: «Эту идею я высказал прежде всех в романе “Бесы”» [Достоевский 1972–1990, XII, 360].

Таким образом, в указанных трех статьях комментария нет ни слова о том, в связи с чем «папа благословил Землю», каков смысл этой противоречивой фразы. Более того, мысль о римском папе, который был бы в состоянии «исходить землю», «благословляя», еще далее уходит от рационального обоснования.

Изучаемая нами фраза идет после слов: «Несть раб, все свободны». Следует заметить, что Достоевский придавал этой проповеди Князя о «рабстве и свободе» христианина большое значение, пометив в своей рукописи: «речь Князя после молебна <...> Уезжает в Петербург и удавливается в Скворешниках. ЭТО ВАЖНОЕ. 18/6 июня 1870 года. NB. Заранее подготовить для читателя понимание этой речи. Наприм<ер>, в разговорах с Шатовым подготовлено, что такое раб и свободь (ап<остол> Павел)». [Достоевский 1972–1990, XI, 168]

Остается вопрос, откуда мог появиться у Достоевского Римский Папа, Антихрист, согласно его логике и в соответствии со всем написанным им в 1870-е гг., который столь неожиданным образом «исходил, благословляя, землю»? По всем признакам из неверно прочтенного слова и некорректной расстановки знаков препинания: вместо «исходил» следует читать: «ис-

ходить». В итоге фраза обретает совершенно ясное и непротиворечивое значение, слова Князя получают тот смысл, который совпадает со всеми другими его высказываниями: «Каяться, себя созидать, царство Христово созидать. Мы веру из политики принимаем. Славянофилы и образа – надо православной дисциплиной и смирением. Несть раб, все свободны. Земли свободы, христианство, исходить, благословляя. Папа – антихрист. Не в промышленности, а в нравственном перерождении сила <...>». [Достоевский 1972–1990, XI, 177]

В подготовительных записях к роману «Бесы» Достоевский немало места уделил раскрытию идеологии «Князя», который, следует заметить, коренным образом отличается от Николая Ставрогина, героя окончательной версии романа. В первую очередь своими «почвенническими» взглядами, которые он детально разъясняет Шатову-Шапошникову и другим персонажам первой версии романа. Вероятно, не без влияния М.Н. Каткова, эти крупные идеологические разработки не были применены в окончательной версии произведения, где осталась только досада Шатова на Ставрогина, который, по его мнению, «предал» их общие идеалы кардинального обновления России за счет внедрения нового, реформированного Православия и возрастания на этой почве «новых людей», способных заложить основы будущего Царства Божия на Земле. Следует отметить, что тирады «Князя» в подготовительных материалах к роману ожидаемо и многократно совпадают с тем, что писал в своих публицистических выступлениях сам Достоевский, разъясняя важность связи между человеком и его «почвой», взятой в самом широком смысле этого слова. Исчезновение этих почвеннических проповедей из романа «Бесы», помимо возможно идеологического давления со стороны М.Н. Каткова, может быть связано с резким изменением морально-психологического статуса Князя-Ставрогина, который из проповедника «обновленного христианства» превратился в заигравшегося со своей и чужими судьбами избалованного и извращенного барича.

Идеологическая доктрина «Князя» в том виде, в каком она получила свое выражение в записях к первой редакции романа «Бесы», являет собой максимально обостренную, радикальную версию «почвенничества» Достоевского, своей конкретностью заставляет воспринимать себя как политическую программу, требующую реального исполнения, а не бесконечных словопрений – перехода к практическому созиданию Царства Христова на Земле: «Князь: “Все это только слова – надо делать. <...> Каяться, себя созидать, царство Христово созидать. Мы веру из политики принимаем. Славянофилы и образа – надо православной дисциплиной и смирением. Несть раб, все свободны. <...> Не в промышленности, а в нравственном перерождении сила – нужно иметь полную силу, чтоб [сказать смелое слово] высказать всю идею. Мы, русские, несем миру возобновление их утраченного идеала. Зверь с раненой головой, 1000 лет. – Представьте себе, что все Христы; будут ли бедные?» При этом, направляя идеологический вектор к «иночеству в миру» и строительству Алешей Карамазовым новой церкви («Братья Карамазовы»), Князь утверждает,

что в «монастырь» идти не обязательно, нужно жить в миру и «собой» «провозглашать Христа» [Достоевский 1972–1990, XI, 275]. Князь первой редакции романа «Бесы» – первый набросок религиозного и морально-психологического статуса того образа, который был воплощен в Алеше Карамазове, равно как находящийся с ним в диалоге старец Тихон – первый набросок образа, получившего свое развитие в старце Зосиме.

Антихрист в Апокалипсисе Иоанна Богослова возвещает мысль о добровольном рабстве в земном рае, замыкая человека в пространстве и времени его телесной жизни: «И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни» (Откр. Гл. 13. Ст. 8). Работая над романами «Идиот» и «Бесы», Достоевский систематически сближал идеологии католицизма и социализма, находя в них общие черты, в первую очередь, попытку тотально укоренить человека в «царстве сем», а далее – дать ему кратковременное счастье, минуя возможность спасения от смерти и лишая вечной жизни. Христос Достоевского как само воплощение идеи бессмертия, без которого, по убеждению писателя, невозможна на Земле позитивная мораль и царствует принцип «все позволено», с этим никаким образом не совместим. Достоевский с сарказмом писал о решении «нечестивого», по его мнению, Ватиканского собора 1870 г.: «веруйте, да и не в Бога, а только в папу и в то, что лишь он один есть царь земной, а прочие должны исчезнуть, ибо и им срок пришел. Радуйтесь же теперь и веселитесь, ибо теперь наступил рай земной, все вы станете богаты, а через богатство и праведны, потому что все ваши желания будут исполнены, и у вас будет отнята всякая причина ко злу» [Достоевский 1972–1990, XXII, 90]. Во время работы над «Бесами» Достоевский поглощен той же мыслью: «Христианство. В ней живут крестьяне. Апокалипсис, царство 1000 лет, римская блудница (ибо принял тамошний Христос земное царство, отвергнутое в пустыне). Одна лишь последняя подчиненность Европе, цивилизации, последнее проклятие реформы Петровой. Несознательность в головах (социализм, коммунизм, низость). Но мы не только живою силою поймем» [Достоевский 1972–1990, XI, 167]. (Блудница, упоминаемая в тексте, – реминисценция из Апокалипсиса: Откр. Гл. 17. Ст. 1). Попытка устроиться на Земле без Бога есть «низость», т.е. онтологическое унижение человека, становящегося «разумным животным» без всяких перспектив к обретению значения в мироздании, превышающего роль инфузории-туфельки, идет ли речь об идеологии исторического материализма или идей о безгрешности папы Римского, олицетворяющего собой власть «мира сего». Несмотря на известные упреки со стороны К.Н. Леонтьева [Леонтьев 1882, 31–43] в «розовом христианстве», христианский социализм для Достоевского такая же нелепость, как и социалистическое христианство; он обнаруживает путаницу или прямое мошенничество в идеологии, смешивающей христианские и социалистические идеи в попытке пропагандистов Интернационала «уверить темный и нищий народ, что коммунизм есть то же самое христианство и что Христос только об этом и говорил. Ведь есть же и теперь даже умные и остроумные социали-

сты, которые уверены, что то и другое одно и то же и серьезно принимают за Христа антихриста» [Достоевский 1972–1990, XXI, 203]; социалистическая программа как осуществление заповедей Христа на Земле – «идея ужасная и совершенно антихристианская» [Достоевский 1972–1990, XXIV, 116–117; 170–171].

В окончательном тексте романа «Бесы» папа Римский упоминается дважды: «Папе давным-давно предсказали мы роль простого митрополита в объединенной Италии и были совершенно убеждены, что весь этот тысячелетний вопрос, в наш век гуманности, промышленности и железных дорог, одно только плевое дело» [Достоевский 1972–1990, X, 30], а также в вышеприведенной цитате из проектов «социалиста-мошенника» Петра Верховенского, продумывающего устройство социализма под верховенством Папы Римского [Достоевский 1972–1990, X, 323]. В подготовительных записях к «Бесам» черновой набросок этого фрагмента звучит так: «Без сомнения дойдет, и это высшая мысль! Необходим деспотизм и привилегия некоторым, чтоб все остальные жили в равенстве. Для этого можно и папу воскресить и отдать ему мир. Я это думал. Католичество этого же и добивалось. А остальные будут его рабами, по между собой равны и свободны и каждый друг над другом шпионит и друг на друга доносит» [Достоевский 1972–1990, XI, 273]. Эта идеологическая конструкция встречается также в «Подростке»: «О том, что будущий антихрист будет пленять красотой. Помутятся источники нравственности в сердцах людей, зеленая трава иссохнет. <...> говорит о коммунизме и христианстве» [Достоевский 1972–1990, XVI, 363]. Попытка замкнуть человека на Земле, лишив его Вселенной, по Достоевскому, прямая функция дьявола или Антихриста: «действительно, жутко без бога, но прижимаешься к человечеству и до всех миров. <...> Это тоже божество. – Нет, друг мой. Это антихрист» [Достоевский 1972–1990, XVI, 426]. Заметим, что печальный факт воцарения на Земле Антихриста был основополагающим тезисом представителей Старой веры, оправдывающим их религиозный радикализм, неприятие государственных законов и официальных институций. Достоевский, интересовавшийся Расколом с юных лет, став редактором журналов «Время» и «Эпоха», охотно публиковал самые разнообразные материалы о «бегунах», «подпольно» и героически сражающихся с государством, по их мнению, обращающим в закон волю «Князя тьмы».

Интерес к этой теме со стороны Достоевского подпитывался также паскалевского типа скепсисом относительно избыточности обрядов официальной церкви. Он писал: «вникните в православие: это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ, – по крайней мере, это главное» [Достоевский 1972–1990, XXIII, 130]. Непосредственный и весьма живой контакт с раскольниками Достоевский получил в Омском остроге (1850–1854), описав эти впечатления в «Записках из Мертвого

дома» [Баршт 2017, 29–46]. Глубокое уважение к староверам определяло отношение Достоевского к русскому народу в целом; раскольников, сосланных в острог, он называет носителем «великих сил»: «ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват?» [Достоевский 1972–1990, IV, 231]. Вернувшись в Петербург, как издатель журналов «Время» и «Эпоха», Достоевский публикует ряд материалов, связанных с историей Старой веры, в которых Раскол трактуется как форма народного самоопределения в условиях жесткого административного давления [Владиславлев 1861, 80–100]; [Аристов 1862, 76–98]; [Щапов 1862, 10, 319–363]; [Щапов 1862, 11, 251–297]; [Калатузов 1864, 1–48]; [Калатузов 1865, 1–38]. Расколу посвящена статья во «Времени» «Два лагеря русских теоретиков» (1862), где содержится призыв к сочувствию последователям протопопа Аввакума как искренним и честным искателям истины, а ведь именно этот критерий был на протяжении всей жизни Достоевского основным в его отношении к людям. Сам же Раскол Достоевский называет «самым крупным явлением в русской жизни и самым лучшим залогом надежд на лучшее будущее» [Достоевский 1972–1990, XX, 20–21]. В.С. Нечаева свидетельствует, что в портфеле редакции находилась драма «Раскольник», к сожалению, не получившая места в журнале [Нечаева 1975, 277]. То, что Достоевский хорошо знал тексты старообрядцев, находя в них «чрезвычайно глубокие и сильные мысли», подчеркивается статьей в «Дневнике писателя» «Лорд Редсток» [Достоевский 1972–1990, XXII, 98–99]. Одной из важнейших идей старообрядчества была мысль о ценности безвинного страдания, которое, по мнению верующих, более всего уподобляло человека Иисусу Христу. С большим интересом Достоевский относился и к произведениям коллег по литературе, освещавшим жизнь старообрядцев, сочувственно отзывался о «Страннике» А.Н. Майкова [Литературное наследство 1973, 130]. Согласно воспоминаниям жены писателя, Анны Григорьевны, Достоевский накопил в своей библиотеке немало «серьезных произведений по отделам истории старообрядчества», в частности, «Раскольникчи дела» Г. Есипова, «История Выговской старообрядческой пустыни» и «Раскол» А.П. Щапова, «Рассказы из истории старообрядцев» С.В. Максимова [Достоевская 1984, 207]; [Щапов 1859]; [Щапов 1862].

Сближение Достоевского со старообрядцами началось до ссылки и каторги, в 1840-е гг., в период участия в работе кружка М.В. Буташевича-Петрашевского [Соколова 2005, 289]. Работая над романом «Бесы», писатель актуализировал идеи старообрядца Константина Ефимовича Голубова, автора семнадцати богословских книг, редактора журнала «Истина», издававшегося в Иоганнесбурге (Восточная Пруссия) в 1866–1868 гг. [Указатель 1877, 1–16]; [Указатель 1877, 1–11]; [Указатель 1884, 1–13]. Решение ввести в роман «Бесы» «чисто русского героя» (будущего Шатова), воплощающего в себе идеалы почвеннической идеологии, приводили писателя

к необходимости привлечь моральные и религиозные ценности Старой веры. Об этом Достоевский сообщал А.Н. Майкову в 1868 г.: «А знаете ли, кто новые русские люди? Вот тот мужик, бывший раскольник <...>, о котором напечатана статья с выписками в июньском номере “Русского вестника”»; Достоевский рассматривал своего героя как идеального носителя новой модели христианской веры, в роли одного «из грядущих русских людей» [Достоевский 1972–1990, XXVIII, 328]. Эта базовая модель непосредственно повлияла на идею Князя о «новых людях», которые спасут своим жертвенным трудом русскую землю и обновят Православие, фактически – проведут русскую религиозную Реформацию. На ранней стадии работы над романом, к которой относится анализируемая нами запись, основной сюжетной линией романа должен был стать конфликт между идеальным хранителем христианских ценностей Голубовым и «представителем Интернационала» Нечаевым: «Нечаев. Приехал тоже устроить дело с Голубовым насчет тайной вольной старообрядческой типографии» [Достоевский 1972–1990, IX, 113]; [Арсентьева 2016, 56–81].

Стоит отметить, что К.Е. Голубов был учеником старца из потомственных староверов Павла Прусского, в миру Петра Ивановича Леднева (1821–1895), настоятеля Московского Никольского единоверческого монастыря. Его родители скрыто придерживались канонов Старой веры по беспоповскому федосеевскому согласию и передали эти представления своему сыну. После смерти матери, в восемнадцатилетнем возрасте, он построил небольшую хижину и удалился от мира, ведя уединенную жизнь. Репрессии Николая I против старообрядцев вынудили его в 1848 г. уехать в Восточную Пруссию, где он основал старообрядческий Войновский монастырь (поселок Войново в Польше). В основе его жизни и проповеднической деятельности была идея строительства истинной Святой Церкви (из чего ясно, что Православие в целом он воспринимал как удалившееся от истины); основным инструментом этой работы были публикации русских старообрядческих книг, а также издание журнала «Истина», в котором видное место занимали писания К.Е. Голубова. В 1868 г. Павел Прусский и Голубов вернулись в Россию, согласившись присоединиться к официальной православной церкви. Стоит заметить, что в основании нравственной философии Голубова находилась идея «самоуправления» или «самостеснения», волевого подавления человеком своей свободы, которой не позволено выплеснуться за рамки общественной пользы и целесообразности. Обратим внимание, что подобного рода идеи как новые и оригинальные приписывает себе в черновиках к «Бесам» «человек 1840-х гг.» Степан Трофимович Верховенский, который требует от современников стать «новыми людьми», «начать переработку с самих себя. “Я не гений, но я, однако же, выдумал новую вещь, которую никто, кроме меня, на Руси не выдумывал: самоисправление”». [Достоевский 1972–1990, XI, 117]

Помимо Павла Прусского и К.Е. Голубова, Достоевского занимала личность другого известного старообрядца, основателя Преображенской старообрядческой общины в Москве И.А. Ковылина (1731–1809). В се-

мье Достоевских высоко чтили этого человека за его благородную деятельность по выкупу крестьян из крепостных. Став известным писателем, Ф.М. Достоевский во время своих визитов в Москву посещал могилу этого старовера-мецената на Преображенском кладбище. Существенно, что именно в 1860-е гг., после отмены цензуры, когда преследования старообрядцев фактически оказались прекращены, в печати развернулась бурная полемика, касающаяся вопросов трактовки священного Писания и исполнения ритуалов в официальной и старообрядческой церквях. В 1860-е гг. близкие отношения связали Достоевского со староверкой Аполлинарией Сусловой, модель поведения которой была весьма характерна: она не посещала церковь, а для «полноты и широты жизни» собиралась поступить в «согласие». В 1860-е гг. внимание писателя привлекали публикации В.И. Кельсиева, посвященные Расколу: «Сборник правительственных сведений о раскольниках» (1860–1862) и «Собрание постановлений по части раскола» (1863), а также статья Н.Я. Аристова «По поводу диспута г-на Нильского», где содержалось немало фактов, которые живо интересовали Достоевского [Аристов 1870, 209–224]. К этому теме писатель многократно обращался в своих публицистических выступлениях [Достоевский 1972–1990, XX, 260–261; 267–268; XXI, 412 и др.], об этом также свидетельствует его жена, А.Г. Достоевская [Достоевская 1984, 207].

Вернемся к заново прочитанному нами тексту из черновика «Бесов». Ключевое слово в рассматриваемой фразе – «исходить», и это заставляет нас внимательнее присмотреться к его семантике в поэтическом словаре Достоевского. Невнятно сочетаясь с тем, что принято считать религиозной практикой папы Римского, этот глагол имеет очевидную семантику в столь глубоко интересовавшей Достоевского обрядовости староверов-бегунов. Речь идет об одной из важнейших ветвей русского Раскола, получившей особенно широкое распространение в крестьянской среде; другое ее название: «странничество». Смысл религиозной практики такого рода заключается в том, что Антихрист уже воцарился за Земле, и потому любое согласие с властью означает услужение Сатане. Странничество, хаотическое и безостановочное перемещение по поверхности Земли – бесполезное, но внутренне необходимое бегство верующего от Антихриста, обратившееся у староверов в основной церковный обряд [Винницкий 1855, 280–281]. Принимающие эту религиозную модель становились «странниками», перемещаясь от одного населенного пункта к другому и тем самым «избегая» контакта с Антихристом, представленным любым уровнем структуры местной администрации.

В предыдущем произведении писателя представителем семейства бегунов был Миколка из «Преступления и наказания», который добровольно берет на себя грех Раскольникова, чтобы «пострадать»: «он из раскольников, да и не то чтоб из раскольников, а просто сектант; у него в роде бегуны бывали» [Достоевский 1972–1990, VI, 347]. Достоевского живо интересовали мотивы «бегунов-странников», с которыми он близко познакомился в Омском остроге, а затем в роли редактора журнала «Время»

охотно публиковал материалы о них. Так, в статье А.П. Щапова «Земство и раскол. Бегуны» указывалось: «В бегунах преимущественно выразилось отрицание ревизской, военно-служилой и податной прикрепленности душ, личностей к империи и великорусской церкви и порабощенности их властям и учреждениям той и другой» [Щапов 1962, 10, 320–321].

Заметим, что в окончательной версии романа «Бесы» идею Князя о том, чтобы исходить землю, поливая ее слезами и целуя при каждом шаге, проповедует Мария Тимофеевна Лебядкина, цитируя запомнившиеся ей слова странницы: «“Богородица – великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная – радость нам есть; а как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься. И никакой, никакой, говорит, горести твоей больше не будет, таково, говорит, есть пророчество”. Запало мне тогда это слово. Стала я с тех пор на молитве, творя земной поклон, каждый раз землю целовать, сама целую и плачу» [Достоевский 1972–1990, X, 116–117]. Здесь сформулирована одна из важных мистических сторон идеологии почвенничества. Эту же религиозную мысль несет в себе Шатов, призывая Ставрогина сделать шаг к спасению и вернуться к почвенничеству, которому он изменил: «Целуйте землю, облейте слезами, просите прощения! – вскричал он, схватывая его за плечо» [Достоевский 1972–1990, X, 202].

Интересно в этом смысле проследить за жестом персонажей Достоевского, глядящих на землю. Так, например, ведет себя книгоноша, составившая компанию Степану Трофимовичу Верховенскому в последние часы его жизни, вызывая тем самым раздражение Варвары Степановны: «Чего ты такая запуганная? Чего ты в землю смотришь?» [Достоевский 1972–1990, X, 502]. Во время собрания будущих революционеров у Виргинского знаменательно ведут себя, в отношении своей связи с землей, Шатов и Кириллов: Шатов «расположился тут же в заднем углу стола, несколько выдвинув из ряда свой стул, смотрел в землю, мрачно молчал, от чаю и хлеба отказался <...> Недалеко от него поместился и Кириллов, тоже очень молчаливый, но в землю не смотрел, а, напротив, в упор рассматривал каждого говорившего» [Достоевский 1972–1990, X, 304]. Почвенник Шатов вскоре станет жертвой подготовительного периода революционного бунта, в то время как Кириллов, пытаясь, как он это понимает, компенсировать своей смертью трагическое отсутствие Бога и наступившее царство Антихриста, покончит жизнь самоубийством. В своем прощальном письме к Даше Николай Ставрогин воспроизводит этот базовый тезис почвеннической идеологии, ссылаясь на Шатова: «Ваш брат говорил мне, что тот, кто теряет связи с своею землей, тот теряет и богов своих, то есть все свои цели», однако признается, что сохранить эту связь он оказался не в силах: «из меня вылилось одно отрицание, без всякого великодушия и безо всякой силы. Даже отрицания не вылилось» [Достоевский 1972–1990, X, 514].

Представление старообрядцев о том, что Антихрист воцарился на Зем-

ле, естественным образом порождает апокалиптические идеи – верующие ждали реакции Вседержителя на эту невыносимую для христианина ситуацию. Юродствующий в апокалиптической парадигме Лебедев («Идиот») показывает внутреннюю структуру этой идеологии: «Верую и толкую. Ибо нищ и наг, и атом в коловращении людей. И кто почитит Лебедева? Всяк изощряется над ним и всяк вмале не пинком сопровождает его. Тут же, в толковании сем, я равен вельможе» [Достоевский 1972–1990, VIII, 168]. Князь Мышкин, как и его автор, решительно отрицает идею о безгрешном человеке на Земле, трактуя ее как верный признак «нехристианской веры», которая «даже хуже самого атеизма», проповедуя «антихриста»: «Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор все так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство» и игру «простодушными, пламенными чувствами народа» [Достоевский 1972–1990, VIII, 450–451]. В романе «Бесы» содержится еще более категорический вердикт, в котором Достоевский находит в папской булле признаки компромисса с дьяволом в искушении Христа в пустыне соблазном земной власти и могущества в Евангелии (Мф. 4, 8–10; Лк. 4, 5–8): «Рим провозгласил Христа, поддавшегося на третье дьяволово искушение, и что, возвестив всему свету, что Христос без царства земного на земле устоять не может, католичество тем самым провозгласило антихриста и тем погубило весь западный мир» [Достоевский 1972–1990, X, 197].

В.В. Тимофеева (корректор типографии Траншеля, где печатался «Гражданин», редактируемый Достоевским) вспоминает о неожиданных и странных «прорицаниях», которые ей довелось услышать из уст писателя: «Они (либералы, – Ред.) и не подозревают, что скоро конец всему... всем ихним „прогрессам“ и болтовне! Им и не чудится, что ведь антихрист-то уж родился и идет! – он произнес это с таким выражением и в голосе и в лице, как будто возвещал мне страшную и великую тайну <...> – Идет к нам антихрист! Идет! И конец миру близко, – ближе, чем думают!». «... Может быть, – кто знает, – продолжает далее В.В. Тимофеева, – может быть, именно в эту ночь ему виделся дивный “Сон смешного человека” или поэма “Великий инквизитор”!». Имя Антихриста в русских народных верованиях традиционно связывается с Римом, т.к. передает число зверя – 666: Откровение Иоанна, гл. 13, ст. 18 (см. толкование Апокалипсиса у Андрея Кесарийского [Нильский 1859, 12, 27–28]; [Срезневский 1874, II, 52, 82]). В «Братьях Карамазовых» эту мысль воплощает Великий инквизитор, который объявляет себя «царем земным», который печется о «всемирном счастье людей» [Достоевский 1972–1990, XIV, 234]. В рукописи к «Подростку» Достоевский помечает: «Социализм состоит в том, чтоб, выйдя из-под христианской цивилизации и для того разрушив ее, создать свою на основании отрицания небесного царства и ограничиваясь одним земным. Прямо антихрист» [Достоевский 1972–1990, XVI, 109]. Упоминаемые в рукописях к «Бесам» Илия и Энох [Достоевский 1972–1990, XI, 167–168] – ветхозаветные пророки, разоблачающие антихриста и убиенные им за правду. В комментарии к «Бесам» в Полном собрании сочинений

ний писателя справедливо указано, что эта тема получила большое распространение в народных сказаниях и апокрифах, кроме того, получила развитие в «Краткой повести об антихристе» В.С. Соловьева. «Илией и Енохом» современности, разоблачающим ложь «человека без греха» Папы Римского, по мнению Достоевского, была религиозно-философская мощь России в роли единственной силы, которая способна спасти мир от наступления царства Молоха и торжества антихристианской идеи о Земном мире как единственном и главном в бытии человека. Эта мысль также повторяется им в романах «Подросток» и «Братья Карамазовы» [Достоевский 1972–1990, XII, 347].

Надо признать, что если Достоевский нигде не отступал от своей мысли о противостоянии «Илии и Еноха» (православной России) Антихристу и несомой им идеологии торжества «мира Земного» над «миром Небесным», то продолжал колебаться в том, какого рода позицию займет в этом принципиальном вопросе Князь, будущий Николай Ставрогин: «Князь, войдя к Шатову, вместо того чтоб объяснить, начал прямо говорить об антихристе» [Достоевский 1972–1990, XI, 284]; «Князь совершенно верует и в антихриста, и в спасение православием» [Достоевский 1972–1990, XI, 275]. В окончательном тексте романа этот акцент – «спасение православием» – Достоевский переключил на Шатова, который транслирует в романе те самые идеи, которые озвучивались в черновиках Князем. Склоняясь все более к этой концепции, Достоевский записывает: «Или так: все о России, об антихристе и подвиге говорит Шатов (это лучше, это великолепно). Князь слушает жадно, но молчит и хоть ничего не говорит, но видно, что он господин разговора. Он прислушивается и приглядывается. Угрюм и важен» [Достоевский 1972–1990, XI, 175]. Функции в реализации идеологии почвеннического обновления страны и мира были распределены вначале следующим образом: Князь выступал с манифестами, Шатов находился в роли слушателя и апологета, призванного затем исполнять проект – «дело делать»: «Ш^{атов}: “Что же делать?” – Кн^{язь}: “Каяться, себя созидать, царство Христово созидать. Мы веру из политики принимаем. Славянофилы и образа – надо православной дисциплиной и смирением. Несть раб, все свободны”» [Достоевский 1972–1990, XI, 177]. До этой точки логика речей «Князя» недвусмысленно ложится в русло всего того, что писал Достоевский о католицизме и Римском Папе, однако далее следует вышеупомянутая неверно прочитанная фраза, в которой «Земли свободы, христианство, исходил, благословляя, папа-антихрист» и которая, при более внимательном изучении рукописи, выглядит иначе: «Земли свободы, христианство, исходить, благословляя. Папа – антихрист» [Достоевский 1972–1990, XI, 177].

ЛИТЕРАТУРА

1. [Аристов Н.Я.] Н.Я. А-ов. По поводу диспута Т. Нильского // Заря. 1870. Ноябрь. № 11. С. 209–224.

2. Аристов Н.Я. [Рецензия] По поводу новых изданий о расколе // *Время*. 1862. № 1. С. 76–98.
3. Арсентьева Н. «Молодежь без руководства». Проблема духовного наставничества в романе Достоевского «Бесы» // *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 21. СПб., 2016. С. 56–81.
4. Баршт К.А. О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф.М. Достоевского // *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*. MMXVIII [2018]. Vol. XXIV: 2017. P. 29–46.
5. Владиславлев М.И. [Рецензия] Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. Записки Александра Б. СПб., 1861 // *Время*. 1861. № 10. С. 80–100.
6. Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1984.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990.
8. Ивановский Н.И. Внутреннее устройство секты странников или бегунов. СПб., 1901.
9. Калатузов В.И. Монтаны. 1. Никифорыч. 2. Келейницы // *Эпоха*. 1864. № 8. С. 1–48.
10. Калатузов В.И. Очерк быта и верований скопцов. Из рассказов странницы // *Эпоха*. 1865. № 1. С. 1–38.
11. Леонтьев К.Н. Наши новые христиане. Ф.М. Достоевский и граф Лев Толстой. М., 1882.
12. Литературное наследство. Т. 86. Ф.М. Достоевский: новые материалы и исследования. М., 1973.
13. [Макарий (Булгаков), еп.] История русского раскола, известного под именем старообрядства, Макария, епископа Винницкого, ректора С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1855.
14. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». М., 1975.
15. Нильский И.Ф. Об антихристе против раскольников. СПб., 1859.
16. Соколова В.Ф. Тема церковного раскола в публицистике и художественном творчестве Ф.М. Достоевского // *Старообрядчество: история, культура, современность*: в 2 т. Т. 2. М., 2005. С. 288–294.
17. Срезневский И.И. Сказания об антихристе в славянских переводах с замечаниями о славянских переводах творений св. Ипполита. Разбор книги о них К.И. Невоструева. Описания рукописей и выписки из них. СПб., 1874.
18. Указатель статей в первых 30 книжках «Истины»: [1867–1873 гг.] // *Истина*. 1874. Кн. 32. С. 1–16.
19. Указатель статей, помещенных в 31–53 книжках «Истины» // *Истина*. 1877. Кн. 55. С. 1–11.
20. Указатель статей, помещенных в 54–90 книжках «Истины» // *Истина*. 1884. Кн. 96. С. 1–13.
21. Щапов А.П. Земство и раскол. Бегуны. Часть I // *Время*. 1862. № 10. С. 319–363.
22. Щапов А.П. Земство и раскол. Бегуны. Части II и III // *Время*. 1862. № 11. С. 251–297.
23. Щапов А.П. Земство и раскол: в 2 ч. СПб., 1862.

24. Щапов А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и первой половине XVIII века: опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения рус. раскола. Казань, 1859.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals and Literary Magazines)

1. Barsht K.A. O “realizme v vysshem smysle” i simvole very F.M. Dostoyevskogo [On Dostoyevsky’s “Realism in the Highest Point” and the Symbol of Faith]. *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*, 2018, vol. 24: 2017, pp. 29–46. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Arsent’eva N. “Molodezh’ bez rukovodstva”. Problema dukhovnogo nastavnichestva v romane Dostoyevskogo “Besy” [Youth without Guidance. The Issue of Spiritual Preceptorship in F.M. Dostoyevsky’s Novel “The Possessed”]. *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya* [F.M. Dostoyevsky. Materials and Research]. Vol. 21. Saint-Petersburg, 2016, pp. 56–81. (In Russian).

3. Sokolova V.F. Tema tserkovnogo raskola v publitsistike i khudozhestvennom tvorchestve F.M. Dostoyevskogo [The Theme of Schism in the Nonfiction and Fiction by F.M. Dostoyevsky]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul’tura, sovremennost’* [The Old Belief: History, Culture, Modern Times]: in 2 vols. Vol. 2. Moscow, 2005, pp. 288–294. (In Russian).

(Monographs)

4. Nechayeva V.S. *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoyevskikh “Epokha”* [The “Epoch” Journal by M.M. & F.M. Dostoyevsky]. Moscow, 1975. (In Russian).

Баршт Константин Абрекович, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Области научных интересов: история русской литературы XIX и XX вв., поэтика, нарратология, невербальные языки в рукописях писателя, творчество Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова.

E-mail: konstantin_barsht@pushdom.ru

Konstantin A. Barsht, Institute of Russian literature (Pushkin House), The Russian Academy of Sciences.

Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher. Research interests: history of Russian literature of the 19th – 20th cc., poetics, narratology, nonverbal languages in writers’ manuscripts, works by F.M. Dostoevsky and A.P. Platonov.

E-mail: konstantin_barsht@pushdom.ru